

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

СИМБИОЗ И СОПЕРНИЧЕСТВО ДИНАМИКА РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРСПЕКТИВЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СТАТУСА

НИКОЛАЙ СИЛАЕВ
ИВАН САФРАНЧУК
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Как объяснить противоречивость российско-турецких отношений, сочетающих тесное сотрудничество с враждебностью, а постоянство с непредсказуемостью? Существующие объяснения, основанные на материальных факторах экономической выгоды и безопасности, не работают в тех случаях, когда Москва и/или Анкара приносят экономическую составляющую своих отношений в жертву соображениям иного порядка. Эти объяснения также не учитывают социально конструируемую природу безопасности. В исследованиях, основанных на экстраполяции длинных циклов общей истории двух стран, не затрагиваются механизмы, посредством которых эти циклы проявляют себя в постоянно меняющейся мировой политике. В статье предложен анализ российско-турецкой динамики взаимодействия, связанного с теорией международного статуса как набора коллективных представлений о месте государства в ряду других государств. Мы применяем статусный подход к анализу двусторонних отношений, проследив на примерах Сирии и Карабаха, как Москва и Анкара признают и подкрепляют или отвергают и подрывают статусные притязания друг друга. Переменчивый характер российско-турецких отношений определяется двумя обстоятельствами. С одной стороны, Россия и Турция обеспечивают друг другу взаимное статусное признание. В сущности, они представляют друг для друга международный коллектив или референтную группу, в рамках которого удовлетворяются их притязания на высокий международный статус. Именно поэтому Москве и Анкаре необходимо поддерживать хотя бы минимальный уровень сотрудничества: разрыв и конфронтация подорвали бы механизм взаимного статусного признания. С другой стороны, между Россией и Турцией сохраняется статусное неравенство. Россия — ядерная держава и постоянный член Совета Безопасности ООН. Турция — держава средней величины, претендующая на статус великой державы. Это неравенство порождает статусную конкуренцию, подталкивающую Москву и Анкару к внешнеполитическому соперничеству.

Ключевые слова:

Россия; Турция; внешняя политика; международный статус; Карабах.

Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках гранта ИМИ № 2025-04-04.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.07.2023

Дата принятия к публикации: 08.11.2023

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: nikolai.silaev@gmail.com

Я тебя уважаю, ты меня уважаешь,
мы с тобой — уважаемые люди!

Михаил Жванецкий, «Дефицит»

Отношения России и Турции подвержены серьёзным колебаниям. В ноябре 2015 г. турецкий истребитель сбил российский бомбардировщик Су-24 в воздушном пространстве Сирии — Москва и Анкара оказались на грани прямого военного столкновения. Вместе с тем уже в октябре 2016 г. было подписано соглашение о строительстве газопровода «Турецкий поток», который превратил Анкару в транзитёра российского газа на рынок ЕС. В декабре 2016 г. российского посла в Турецкой Республике А. Г. Карлова застрелил террорист, что стало исключительным случаем в истории российской дипломатии. Через несколько недель, в начале 2017 года, Россия, Турция и Иран провели первую встречу Астанинского формата переговоров об урегулировании внутреннего конфликта в Сирии. В сентябре 2017 г. Москва и Анкара подписали соглашение о поставке в Турцию российских систем противовоздушной обороны С-400. Вашингтон расценил эту сделку как подрыв союзнических обязательств государства-члена НАТО перед Альянсом. В апреле 2018 г. российские специалисты начали строить АЭС «Аккую» в Турецкой Республике. Между тем в начале 2020 г. две страны вновь приблизились к конфликту, когда сирийские правительственные силы в провинции Идлиб вступили в боевые действия с протурецкими вооружёнными формированиями. Российский и турецкий лидеры согласовали новое перемирие. Осенью 2020 г. позиции двух стран резко разошлись по вопросу о новой войне в Нагорном Карабахе. Российские официальные лица открыто заявили, что Турция оказывает широкую военную помощь Азербайджану, были нанесены ракетные удары по лагерям подго-

товки протурецких вооружённых группировок на территории Сирии¹. Анкара, в свою очередь, активизировала свою деятельность на украинском направлении, поставив Киеву ударно-разведывательные беспилотники собственного производства и пообещав содействие в строительстве украинского военно-морского флота. После начала Специальной военной операции на Украине Турция продолжила поставлять Киеву вооружение. Тем не менее отказ Анкары осудить действия Москвы и присоединиться к антироссийским санкциям Запада сделал её одним из важнейших внешнеполитических и внешнеэкономических партнёров Российской Федерации. В сентябре 2022 г. лидер Турции Реджеп Эрдоган принял участие во встрече на высшем уровне Шанхайской организации сотрудничества в Самарканде, опровергая тем самым западный тезис о международной дипломатической изоляции России.

Подобная резкая смена похолоданий и потеплений двусторонних отношений свойственна турецкой внешней политике и на других направлениях: во взаимодействии Анкары с Берлином [Hintz 2019] или с Вашингтоном [Berlinski 2010]. Вместе с тем, пожалуй, в случае с Россией амплитуда колебаний достигает максимального размаха — от свидетельств высокого взаимного доверия до угрозы военного столкновения. Как объяснить противоречивость российско-турецких отношений, сочетающих теснейшее сотрудничество с враждебностью, а постоянство с непредсказуемостью?

Существующие объяснения либо игнорируют переменчивый характер взаимодействия этих стран, сосредоточиваясь на

¹ О ситуации вокруг Нагорного Карабаха // Служба внешней разведки Российской Федерации. 06.10.2020. URL: <http://svr.gov.ru/smi/2020/10/o-situatsii-vokrug-nagornogo-karabakha.htm> (дата обращения: 12.07.2023).

поиске причин их сближения после окончания «холодной войны» и распада Советского Союза, либо ищут истоки сложившейся ситуации в длительных исторических циклах отношений России и Турции друг с другом и с Западом. Последний подход оправдан для анализа взаимодействия двух держав, выстраивающих самоидентификацию на фундаменте своей долгой имперской истории. Тем не менее он не даёт ответа на вопрос, почему тенденции, проявлявшиеся в прошлом, прослеживаются до сих пор?

В настоящей работе наблюдаемая динамика объясняется с опорой на теорию международного статуса. Разумеется, нельзя исключать мотивы экономической пользы и/или безопасности, которые в равной степени влияют на развитие диалога двух стран. Между тем именно соображения статусного характера придают противоречивость и изменчивость этим отношениям. Стремление максимизировать статусный выигрыш в двусторонних и многосторонних взаимодействиях делает их столь нестабильными и напряжёнными. В контексте статусных притязаний для обеих сторон приобретает актуальный смысл и их память об имперском прошлом.

Далее мы разберём наиболее влиятельные объяснения динамики российско-турецких отношений, критически проанализируем ключевые положения теории международного статуса, а затем проверим эти положения на примере российско-турецких отношений.

Объяснения российско-турецкого парадокса

Причины российско-турецкого сближения после 2000 г. в целом не вызывают споров у исследователей. После окончания «холодной войны», распада Советского Союза и Организации Варшавского договора стратегический контекст, в котором Турция проводила свою внешнюю политику, кардинальным образом изменился. Если до начала 1990-х годов и для Анкары, и для Вашингтона была очевидна необходимость их союза, то после прекращения

существования СССР и социалистического лагеря ситуация перестала быть столь однозначной [Menon, Wimbush 2007; Güvenç, Özel 2012]. Союзники ближневосточной державы уже не испытывали столь сильной потребности в «Южном оплоте НАТО» [Criss, Güner 1999]. Для турецкой стороны, чья внешняя политика на протяжении многих десятилетий оставалась в тени её партнёров по Альянсу, появились возможности проведения широких самостоятельных действий. Тем не менее её активность на постсоветском пространстве поощрялась западными странами, которые, с одной стороны, не успели выработать общий курс в отношении новых независимых государств, ранее входивших в состав Советского Союза, а с другой — опасались их возвращения в той или иной форме под контроль Москвы, а также роста регионального влияния Ирана [Кенгерли 2004: 112].

Короткое потепление в отношениях США и Турции после прихода партии Р. Эрдогана к власти — в 2002 г. он считался образцом лидера-демократа в мусульманской стране — быстро сменилось взаимным разочарованием. Анкара отказалась поддерживать вторжение коалиции во главе с Соединёнными Штатами в Ирак и выразила особую обеспокоенность альянсом американцев с иракскими курдами. По выражению Ф. Хилл и О. Ташпынара, американо-турецкие отношения стали «жертвой иракской войны» [Hill, Taspınar 2006].

В то же время сотрудничество Турецкой Республики с Россией после 2000 г. укреплялось быстрыми темпами. Масштаб опасений Анкары относительно Москвы после распада СССР значительно снизился. Две страны утратили общую границу и больше не представляли непосредственную угрозу друг другу [Aktürk 2006; Aktürk 2014; Шерстюков, Бодиштану 2021]. Обе стороны были недовольны состоянием своих отношений с Вашингтоном и Брюсселем [Joobani, Mousavipour 2015]. Они испытывали беспокойство по поводу усиления присутствия Запада на территориях, непосредственно прилегающих к их границам, а

также по поводу западной политики «продвижения демократии» [Lagabee 2010]. Рост взаимной торговли и инвестиций на фоне экономического подъёма двух стран в 2000-х годах закрепил их политическое сближение, хотя и не был для него решающим фактором [Demiryol 2015]. Помимо разочарования в отношениях с Западом и экономических выгод, исследователи также упоминают схожесть российского и турецкого политических режимов [White, Herzog 2016; Warhola, Mitchell 2006].

Сложнее тем не менее объяснить динамичность российско-турецких отношений, их склонность к резким поворотам. Обращающиеся к теме специалисты нередко оставляют этот вопрос в стороне. Анализ, как правило, завершается на моменте, когда отношения Москвы и Анкары приходят к некоему стабильному, пусть и промежуточному, итогу. В таком случае констатируется, например, что сближение России и Турции имеет пределы, связанные с различными интересами двух держав в черноморском, закавказском, ближневосточном и других регионах мира [Köstem 2020; Аватков, Гудев 2021]. Другое возможное объяснение парадокса заключается в признании чрезвычайно высокой степени взаимозависимости двух стран, которая не позволяет доводить двусторонние отношения до полного разрыва [Aktürk 2019].

Актуализация тех или иных альтернативных интерпретаций соответствует состоянию взаимодействия двух стран в конкретный момент времени. В зависимости от текущих обстоятельств исследователи делают акцент либо на сюжетах, которые их сближают, либо на многочисленных предпосылках к расколу. С долей условности можно говорить о «пессимистах» и «оптимистах». Одни исследователи подчёркивают, что сближение России и Турции не отменяет устойчивых противоречий. Другие настаивают на том, что факторы сближения настолько фундаментальны, что даже многочисленные расхождения не могут ему препятствовать.

Вместе с тем, если бы интересы двух стран не всегда и не во всём совпадали —

иное было бы поистине удивительно для двух крупных влиятельных держав-соседей — резонно было бы ожидать, что с течением времени они установят отношения, которые будут отражать равновесие между согласием и его отсутствием по ряду вопросов. Вероятно, это соотношение не будет окончательным, но может быть стабильным — без резких колебаний от дружбы к вражде. За десятилетия российско-турецкого сближения оно так и не было установлено, что представляет собой загадку отношений двух стран.

Ряд работ фокусируется именно на объяснении противоречивого и динамичного характера российско-турецких отношений. П.В. Шлыков рассматривает внешнюю политику Анкары в рамках теории хеджирования, разработанной для описания и анализа внешнеполитических стратегий, не укладывающихся в классическую реалистскую дихотомию примыкания и балансирования. Согласно подходу отечественного исследователя, Турция по отношению к России (как и к другим великим державам) избегает как открытого антагонизма, так и подчинения [Шлыков 2023].

Виктор Таки обращает внимание на сходство двух стран в вопросе вестернизации: будучи изначально незападными обществами, они прошли её, не утратив при этом политического суверенитета. Как Российская Федерация, так и Турецкая Республика выстраивают свою идентичность за счёт сочетания ориентализма (критики «дикого» Востока) и окцидентализма (критики «цивилизованного» Запада). Приверженность российской и турецкой элит суверенитету делает для них невозможным присоединение к западному сообществу безопасности, но и не позволяет поступиться своими интересами в двусторонних отношениях. Исследователь видит в таких отношениях России и Турции своего рода залог возрождения в глобальном масштабе Вестфальской международной системы как гарантии сохранения политического многообразия мира [Таки 2023]. Любопытно, что аргумент о прообразе полицентричного мира перекликается

с высказанной ранее точкой зрения Зии Ониша и Шухназа Йылмаза. Эти специалисты назвали сочетание тесного экономического партнёрства и геополитического соперничества новой нормой для мира, в котором Запад утрачивает превосходство, а США — гегемонию [Öniş, Yılmaz 2016].

Борис Межуев считает, что обе страны объединяет их нынешняя роль «отвергнутых маргиналов Евро-Атлантики». Это утверждение близко высказывавшемуся ранее другими исследователями доводу, что одной из причин российско-турецкого сближения было их разочарование в отношениях с США и ЕС. Между тем Межуев также объясняет и глубинные причины соперничества между двумя державами, которые на протяжении столетий претендовали на роль восточного балансира европейской международной системы [Межуев 2019]. Этот подход не учитывает сохранение противоречий между Москвой и Анкарой в условиях, когда их соперничество за роль в Европе более неактуально. В этом вопросе исследователь склоняется к группе оптимистов, которые сосредоточиваются на позитивной стороне российско-турецкого парадокса.

Достаточно ли сказать, что Россия и Турция — незападные общества, прошедшие вестернизацию и сохранившие при этом политический суверенитет? В зависимости от того, как оценивать степень вестернизации и масштабы суверенитета, этому же определению могут отвечать и Иран, и Китай, и Япония. Тем не менее их отношения с Россией сильно отличаются от таковых у Турции. Объяснения, опирающиеся на длительные исторические тенденции, эвристичны и убедительны, но в них не всегда прослеживается надёжная связь между — пользуясь выражениями Фернана Броделя — «долгим временем» и «пылью событий».

В «долгом времени» Россия и Турция определяли и до известной степени продолжают определять самих себя и свою внешнюю политику сквозь призму взаимодействия с европейскими странами и в целом с Западом. На уровне «пыли событий» их отношения колеблются между довери-

тельной дружбой и открытой враждой, причём отдельные эпизоды претендуют на зарождение некой новой тенденции «длинного времени», например полицентричного мира или постгегемонистского мирового порядка. В этой связи любое объяснение, которое игнорирует либо противоречивую событийную динамику двустороннего взаимодействия двух стран, либо долгосрочные исторические тенденции, обречено быть неполным. Существует ли теоретическая рамка, которая может объединить и «пыль событий», и «долгое время»?

Россия и Турция в теории статуса

С 2010-х годов понятие «статус» всё чаще применяется в исследованиях по международным отношениям, опубликованных на английском языке. С теоретической точки зрения это понятие преодолевает сравнительно узкие рамки таких объяснений международной динамики, которые сосредоточены на сравнении материальной мощи государств и/или анализе внутривнутриполитических факторов принятия решений [MacDonald, Parent 2021]. С политической точки зрения изучение статусной конкуренции представляет собой реакцию западных международныхников на проблему подъёма Китая как потенциального, а потом и реального соперника США. Примечательно, что оно выдвинулось на первый план после глобального экономического кризиса 2008–2009 годов, когда влияние Пекина возросло. Во внешней политике Соединённых Штатов и их союзников всё более важное место стал занимать вопрос о том, как адаптироваться к возрастающему могуществу КНР и других восходящих держав, не ставя при этом под сомнение американоцентричный мировой порядок. «Статус» казался адекватным ответом: казалось, США получали возможность снизить угрозу со стороны потенциальных соперников, не предоставляя последним материальных уступок, а лишь проявляя к ним чуть больше уважения.

Понятие статуса заимствовано международниками из теории социальной идентичности (Social Identity Theory), разработан-

ной Анри Тэшфелом [Tajfel 1978]. Индивидуальная идентичность частично формируется благодаря членству человека в социальных группах – этнических, профессиональных или иных. По этой причине люди заинтересованы, чтобы их группа в позитивном смысле отличалась от других или превосходила их. Этот психологический механизм и определяет стремление государств к более высокому положению [Larson, Shevchenko 2019]. Они, как и индивиды, нуждаются в уважении со стороны себе подобных [Wolf 2011]. Исследователи определяют статус как коллективные представления о месте данного субъекта в ряду других государств, упорядоченных по значимым характеристикам, таким как благосостояние, силовые возможности, культура, демографический потенциал, дипломатическое влияние [Paul, Larson, Wohlforth 2014: 7]. Набор областей, в которых политики могут бороться за признание за ними высокого статуса, теоретически неограничен. Например, историческая ответственность за преступления нацизма, принятая на себя Германией, стала для неё источником морального авторитета, а значит – и высокого статуса².

Исследователи, занимающиеся данной проблематикой, обращают внимание на её двойственный характер. С одной стороны, статус может определяться категориально, то есть через принадлежность государства к определённой группе или «клубу». Речь идёт, в частности, об Организации Объединённых Наций. Войти в её состав стремятся все непризнанные или частично признанные государства. Постоянное членство в Совете Безопасности ООН, в свою очередь, маркирует великодержавный статус. В качестве престижного «клуба» может выступать и «Большая двадцатка», объединяющая крупнейшие экономики мира, и группа государств, обладающих ядерным оружием, и державы, обладающие космическими технологиями.

С другой стороны, статус имеет реляционный относительный характер и опреде-

ляется через сравнение одного государства с другими, даже если все они входят в один «клуб». Причём имеет значение не только и не столько наличие у субъекта значимых характеристик, по которым он превосходит других игроков, сколько признание этого превосходства со стороны остальных участников международной системы и связанное с признанием добровольное уважение [MacDonald, Parent 2021]. В этом отношении статус субъективен [Paul, Larson, Wohlforth 2014: 8]. Статусное признание одного государства другим может и не состояться, хотя претендент достиг необходимого материального превосходства. Великобритания в конце XIX – начале XX века, несмотря на весьма агрессивное поведение Германии и Соединённых Штатов, признавала лишь за последними статус мировой державы [Murray 2018: 168, 193].

Теория международного статуса пока далека от методологического идеала. В частности, не ясно, как отличать эффекты, которые оказывают на международную политику статусные соображения, от тех, которые оказывает сила или иные факторы, привычные для исследований в области международных отношений. Не всегда очевидно, где проходят границы между статусом, репутацией и престижем. Нет чёткого ответа, как можно его измерить, особенно в реляционном проявлении. Как убедиться, что за государством признаётся определённый статус со стороны других игроков, особенно если речь не идёт о «клубах» с юридически закреплённым членством? Присущая оценкам субъективность открывает широкий простор для интерпретации признания. Например, Ивэр Нойманн полагает, что в XIX веке Российскую империю не признавали великой державой другие европейские государства. Он указывает на абсолютистский политический режим и жалобы современников на российскую непросвещённость [Neumann 2014], хотя с точки зрения дипломатии великодержавный статус России был в ту эпоху неоспорим.

² Krastev I., Bernardo L. The Politics of Atonement // Prospect. 2020. August/September. P. 44–47.

Серьёзную уязвимость для теории в её нынешнем виде представляет допущение, что существующая статусная иерархия государств достаточно стабильна и признаётся большинством членов международной системы. В трудах многих исследователей подразумевается, что именно Запад в лице Соединённых Штатов и их союзников выступает последней инстанцией, принимающей решение о признании того или иного статуса за государством. Это положение оправданно для постбиполярного периода, но оно может не работать в иные исторические эпохи. Например, оно едва ли релевантно для периода блокового противостояния или мировых войн (в последнем случае, возможно, не имеет смысла и сама постановка вопроса о статусе). Если США рассматривают стремление восходящих держав – Китая, Индии или других – повысить свой статус в существующей международной иерархии, сами эти страны могут воспринимать эту проблему иначе. В частности, они могут подвергать сомнению саму иерархию и принципы, на которых она выстроена.

Это неявное допущение породило ещё одну теоретическую лакуну. Если международный статус по своей природе коллективный, то есть предполагает признание статусных притязаний претендента со стороны многих государств, то каковы минимальный размер и качество группы субъектов, требуемой для признания? После начала Специальной военной операции на Украине Запад рассматривает Россию как изгоя и заявляет о её международной изоляции³. Россия же участвует во встрече на высшем уровне Шанхайской организации сотрудничества (сентябрь 2022 года), тем самым её статусные притязания как одного из центров полицентричного мира признаются со стороны мирового большинства – стран, чьё совокупное население составляет более половины всех жите-

лей планеты. В ситуации меняющегося мирового порядка конкуренция иерархий, в рамках которых осуществляются статусные признания, по-видимому, представляет собой норму. Международно-политическая нестабильность порождает и неустойчивость статусных иерархий. В таких условиях государства должны быть особенно чувствительны к вопросам статуса – формируются новые иерархии, и надо занять в них наиболее благоприятное место. Возрастает и ценность статусных признаний со стороны других участников международной системы, даже если их нельзя назвать «коллективными» в значении «охватывающими все или большинство государств мира».

Россия, наряду с Китаем, нередко служит для исследователей примером страны, претендующей на более высокий международный статус [Larson, Shevchenko 2019; Krickovic, Zhang 2020; Nesmashnyi et al. 2022]. Вместе с тем и внешняя политика Турции всё чаще рассматривается в такой же логике [Dal 2019; Larson, Shevchenko 2014]. Мы предлагаем применить статусный подход не к отдельно взятым внешним политикам двух стран, а к процессу взаимодействия между ними. Таким образом, планируется проследить, как Москва и Анкара признают и подкрепляют или отвергают и подрывают статусные притязания друг друга.

От Сирии к Карабаху

С конца 2010 г. турецкое руководство возлагало большие надежды на «арабскую весну». Протесты в странах Ближнего Востока и Северной Африки проходили под исламскими и демократическими лозунгами. Они резонировали с идеологией Партии справедливости и развития Р.Т. Эрдогана, которая пришла к власти в 2002 г. как демократическая и мусульманская политическая сила. Революционные события

³ Statement of President Joe Biden on the UN Vote Suspending Russia from the Human Rights Council. The White House. April 07, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/04/07/statement-of-president-joe-biden-on-the-un-vote-suspending-russia-from-the-human-rights-council/> Date of access: 04.12.2023.

в арабских странах играли на руку Анкаре. Она оказывалась в авангарде политических перемен в регионе, выступая флагом демократических преобразований [Aktürk 2017]. Примечательно, что речь шла не о демократии в общем смысле (здесь ведущую роль неизбежно играл бы Запад), но об её исламской вариации.

Вместе с тем вызывает вопросы тезис, что заявка Турецкой Республики на статус лидера исламского демократического мира была поддержана в странах Ближнего Востока и Северной Африки. В совокупности с турецкой ностальгией по Османской империи она не вызвала большого энтузиазма у арабских соседей Анкары [Надеин-Раевский 2020]. Тем не менее этот внешнеполитический курс, направленный на подкрепление своего влияния, повлёк за собой разрыв отношений со старыми политическими режимами Ближнего Востока, против которых были направлены протесты. Например, Турция оказала поддержку внутривластным противникам Башара Асада, включая наиболее радикальных из них [Сучков, Румачик 2018].

Турецкая статусная заявка имела лишь ограниченный успех. Уже летом 2013 г. был свергнут президент Египта Мухаммед Мурси, идеологически близкий Анкаре. «Арабская весна» обернулась хаосом — протестующие почти нигде не сумели создать относительно устойчивый порядок. По турецким планам лидерства в регионе был нанесён сильный удар [Yorulmazlar, Turhan 2015]. Одновременно Россия, отойдя от своей первоначальной позиции невмешательства (воздержалась при голосовании в Совете Безопасности ООН по проекту резолюции, предполагавшей введение бесполётной зоны над Ливией), стала проводить активную политику в этом регионе. Москва одержала важную дипломатическую победу, добившись соглашения о ликвидации сирийского химического оружия (сен-

тябрь 2013 года) [Чеков 2014]. Была снята угроза американского вторжения в Сирию, сулившего уничтожение российского союзника. Российская Федерация укрепила статус одного из самых влиятельных в мире государств, обладающего значимым голосом в вопросах безопасности, в том числе на Ближнем Востоке. Переговоры о ликвидации химического оружия велись в двустороннем российско-американском формате, что подчёркивало роль России как державы, равной Соединённым Штатам. Российские государственные медиа продвигали тезис, что Москва спасла мир, Вашингтон и лично президента Барака Обаму (2009–2017) от очередной ближневосточной войны⁴.

Возникновение и экспансия ИГИЛ⁵ изменили условия статусного соревнования. США создали антиигиловскую коалицию из 68 государств, демонстрируя статус глобального лидера, ответственного за международную безопасность и противодействие терроризму. Турция оказалась в затруднительном положении, поскольку подъём «Исламского государства» окончательно дискредитировал идеологическое наследие «арабской весны». Призыв к исламской демократии выродился в террор. Западная пресса не преминула вернуть Р.Т. Эрдогану обвинения в предательстве демократических идеалов, брошенные им в адрес Соединённых Штатов и Европейского Союза после свержения М. Мурси, и стала энергично развивать тему о сотрудничестве турецких властей с ИГИЛ [Сучков, Румачик 2018].

Россия, в свою очередь, получила наглядное подтверждение правоты своих доводов о разрушительном характере американских войн в Ираке и Ливии и о дестабилизации Ближнего Востока под видом демократических протестов. Её скепсис по поводу «арабской весны» оправдывал себя, подкрепляя статусные претензии Москвы. В сентябре 2015 г. на заседании Генеральной

⁴ Ветеран ЦРУ: Россия спасла мир от вторжения США в Сирию // RT на русском. 08.02.2016. URL: <https://russian.rt.com/article/147033> (дата обращения: 12.07.2023).

⁵ Террористическая организация, запрещённая в России.

Ассамблеи ООН в честь 70-летия организации президент России В. В. Путин заявил об ответственности Запада за растущий хаос на Ближнем Востоке («Вы хоть понимаете теперь, что вы натворили?») и призвал создать «по-настоящему широкую международную антитеррористическую коалицию»⁶. Из этого следовало, что Россия не считает американскую коалицию против ИГИЛ действительно широкой и видит себя организатором нового объединения. Эта статусная заявка требовала практического подтверждения – через несколько дней после выступления президента Москва объявила о развёртывании группировки войск в Сирии и проведении операции против террористов в этой стране. К слову, статусная логика действий Российской Федерации проявила себя в середине ноября 2015 года, когда президент В.В. Путин публично отдал приказ российским войскам, действующим в Сирии, «относиться как к союзникам» к французской авианосной группе, выдвинувшейся в восточную часть Средиземного моря для ударов по ИГИЛ⁷. В наметившемся ситуативном сотрудничестве с Францией можно было увидеть прообраз той «по-настоящему широкой международной антитеррористической коалиции», о которой российский президент говорил на Генеральной Ассамблее ООН.

Российское военное вмешательство в Сирии стало новым ударом по турецким статусным притязаниям. Оно сделало менее вероятным смену политического режима в САР. Тем самым была окончательно подорвана символическая ставка на исламскую демократию и её распространение в регионе под эгидой Турции путём свержения существующих режимов. По сути, все статусные расчёты Анкары, связанные с «арабской весной», были обнулены.

Кроме того, удары российской авиации на сирийской территории наносились по вооружённым группам, ориентирующимся на турецкую сторону, что было унижением для последней [Erşen 2017].

Статусные притязания двух стран вошли в противоречие, и турецкие власти спровоцировали эскалацию, сбив российский бомбардировщик Су-24 в небе над Сирией. Москва ответила несколькими военными и экономическими мерами, предусмотрев и реакцию на символическом уровне. Министрство обороны России опубликовало информацию об участии Турции и лично президента Р. Т. Эрдогана и его семьи в торговле с ИГИЛ нефтью, добытой на подконтрольных террористической группировке территориях Сирии и Ирака⁸. Подобное обвинение было не просто унижением для турецкого лидера, но также было направлено на подрыв статусных претензий Анкары, поскольку сводило мотивы её сирийской политики к примитивной корысти.

Между тем, подорвав позиции Турецкой Республики, Москва также предложила путь для восстановления её престижа. Учреждение Астанинского формата (Россия, Иран, Турция) урегулирования сирийского конфликта удовлетворяло часть статусных притязаний Анкары. Страна становилась одним из ключевых участников дипломатического процесса, который впервые с начала гражданской войны в Сирии привёл к конкретным результатам «на земле» в виде установления перемирия (пусть и неполного) и затем создания зон деэскалации на сирийской территории. Трёх инициаторам Астанинского формата импонировало, что они сумели добиться ощутимых результатов в урегулировании острого конфликта без западного участия [Erşen 2017].

⁶ Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке // Президент России. 28.09.2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 12.07.2023).

⁷ Совещание о действиях Вооружённых Сил России в Сирии // Президент России. 17.11.2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50714> (дата обращения: 12.07.2023).

⁸ Минобороны РФ: руководство Турции вовлечено в незаконное получение сирийской нефти от ИГ // ТАСС. 02.12.2015. URL: <https://tass.ru/politika/2491873> (дата обращения: 12.07.2023).

С практической точки зрения сотрудничество с Россией и Ираном по Сирии в трёхстороннем формате отвечало интересам Анкары [Cengiz 2020]. В частности, оно выводило, по крайней мере, часть протурецких вооружённых группировок из-под ударов сирийских властей, российских и иранских вооружённых сил, а также предполагало признание турецких озабоченностей по поводу курдских отрядов. В то же время это обстоятельство доказывает также значимость статусных мотивов в той политике, которой Анкара придерживалась до конца 2015 года. Если по вопросам безопасности можно было договориться с Москвой, зачем потребовалось сбивать российский бомбардировщик, ставя отношения двух стран на грань вооружённого конфликта?

Создание Астанинского формата переговоров положило начало тому, что метафорически можно было бы назвать «статусным симбиозом» России и Турции. Москва за счёт этого партнёрства получала крупное дипломатическое преимущество, ведь фактически Анкара откладывала своё требование о смене руководства Сирии. Статусные притязания России удовлетворялись постольку, поскольку усиливалась её центральная роль в сложной системе дипломатических контактов по поводу сирийского конфликта. М.А. Сучков и М.С. Ходынская-Голенищева [2021] отмечают, что только Российская Федерация участвовала во всех существовавших с момента возникновения конфликта форматах его урегулирования и поддерживала рабочие отношения со всеми без исключения региональными игроками.

В свою очередь, Анкара подтверждала статус одного из крупнейших региональных центров силы, без которого урегулирование невозможно. Статусные притязания обеих стран удовлетворялись фактически за счёт Запада. В русле такого «симбиоза» следовали и дальнейшие шаги. Договорённость о поставке российских зенитно-ракетных комплексов С-400 в Турцию демонстрировало одновременно высокое качество новейших российских вооружений,

которые нашли покупателя в лице государства—члена НАТО, и независимость Турецкой Республики от мнения её западных союзников, которые так и не смогли запретить ей покупать оружие там, где она считает необходимым, а не где того требует блоковая дисциплина. Строительство атомной электростанции «Аккую» было другим примером технологического превосходства, с одной стороны, и стратегической автономии — с другой.

Между тем статусные противоречия сохранялись и препятствовали созданию российско-турецкого альянса. Они проявили себя как в разногласиях по поводу допустимости турецких действий в сирийской провинции Идлиб [Бибикова 2020; Хасан, Сейидли 2021], так и — в большем масштабе — в ходе азербайджано-армянской войны в Нагорном Карабахе осенью 2020 года.

Хотя роль Турции во Второй карабахской войне (сентябрь — ноябрь 2020 года) остаётся предметом спора, ряд исследователей доказывают, что значение страны в исходе конфликта было весьма значительным [Буря на Кавказе 2021: 100–104]. С точки зрения международного статуса Турецкой Республики это вмешательство могло преследовать несколько целей. В частности, оно демонстрировало способность ближневосточной державы оказывать решительное влияние на исход военно-политических кризисов за пределами её границ, что отчасти компенсировало неудачи Анкары в Сирии. Непрямое участие страны в конфликте Азербайджана и Армении также демонстрировало её военную мощь и возможности военной промышленности. Более того, Турция, не сумев добиться исламской демократизации Ближнего Востока, претендовала на роль лидера тюркских государств, среди которых Баку был для неё наиболее близким географически и политически.

Если рассматривать вмешательство Анкары в Нагорном Карабахе в перспективе российско-турецкого «статусного симбиоза», то Турция фактически предлагала Москве установить на Южном Кавказе

отношения, аналогичные тем, которые были у двух стран в Сирии. Подобно тому как в САР эти страны выступали ключевыми державами, определяющими силовой баланс «на земле», на Южном Кавказе они в том же русле должны были выступить в равном статусе ответственных за управление региональным конфликтом.

К началу Второй карабахской войны статусные позиции двух стран в отношении армяно-азербайджанского конфликта были неравными. Россия, наряду с США и Францией, была сопредседателем Минской группы ОБСЕ, в то время как Турция — постоянным членом этой группы наряду с Финляндией, Белоруссией и Швецией. Москва и Анкара были заинтересованы в укреплении своего статуса за счёт Запада, и, продемонстрировав свою эффективность в разрешении карабахского конфликта, они могли бы решить эту задачу. Если бы турецкой стороне удалось навязать России новый порядок на Южном Кавказе, на уровне региона подобный расклад уравнивал её статус с российским — для турецкой стороны этот вариант стал бы крупным выигрышем.

Подобно тому как Москва силовыми средствами обеспечивала в Сирии свои интересы, которые не в полной мере совпадали с турецкими, но которые та была вынуждена учитывать, Анкара применяла силу в Карабахе для установления в регионе благоприятной для себя ситуации, которую вынуждена была бы принять, в свою очередь, Россия. В практическом плане региональный порядок, который стремилась установить Турецкая Республика,

должна была олицетворять совместная российско-турецкая миротворческая миссия. После достижения соглашения о прекращении огня в Карабахе Турция⁹ и Азербайджан¹⁰ заявили, что в регионе наравне с российскими будут присутствовать турецкие миротворцы.

Для Москвы предлагаемый Анкарой порядок повлёк бы статусный ущерб. Российская сторона пользовалась положением доминирующей в военно-политическом отношении державы на Южном Кавказе. За несколько лет до Второй карабахской войны, в апреле 2016 года, она за несколько дней добилась прекращения боевых действий между воюющими сторонами. Признавая Турецкую Республику в качестве равного партнёра по разрешению карабахского конфликта, Российская Федерация утратила бы этот статус, разделив региональное военно-политическое доминирование с первой. С этими опасениями и была связана резкая реакция на турецкое вмешательство в конфликт вплоть до публичных заявлений представителей российского руководства о переброске боевиков террористических организаций из Сирии на Южный Кавказ¹¹, ракетных ударов по протурецким вооружённым группировкам в Сирии¹², военных учений на Каспии¹³.

По итогам Второй карабахской войны военно-политическое доминирование России в регионе пошатнулось. Как сформулировал пессимистично настроенный наблюдатель: «влияние Москвы в Закавказье резко снизилось, а престиж удачливой и задиристой Турции, напротив, неимоверно

⁸ Эрдоган сообщил о скором прибытии делегации РФ по Карабаху // Anadolu. 11.11.2020. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/azerbaydjan-bor'ba-za-celostnost'j/erdogan-soobshil-o-skorem-pribytii-delegacii-rf-po-karabaxu/2040303> (дата обращения: 12.07.2023).

⁹ Турецкие миротворцы будут работать в Карабахе вместе с российскими // Интерфакс. 10.11.2020. URL: <https://www.interfax.ru/world/736345> (дата обращения: 12.07.2023).

¹⁰ О ситуации вокруг Нагорного Карабаха // Служба внешней разведки Российской Федерации. 06.10.2020. URL: <http://svr.gov.ru/smi/2020/10/o-situatsii-vokrug-nagornogo-karabakha.htm> (дата обращения: 12.07.2023).

¹² Куделев В.В. Ситуация в Сирии: октябрь 2020 г. // Институт Ближнего Востока. 05.11.2020. URL: <http://www.iimes.ru/?p=74051> (дата обращения: 12.07.2023).

¹³ Минобороны сообщило о старте учений Каспийской флотилии // Известия. 16.10.2020. URL: <https://iz.ru/1074502/2020-10-16/minoborony-soobshchilo-o-starte-uchenii-kaspiiskoi-flotilii> (дата обращения: 12.07.2023).

возрос»¹⁴. Хотя Российская Федерация расширила своё военное присутствие, а передача Баку ранее занятых армянскими силами районов вокруг Нагорного Карабаха отвечала её подходам к урегулированию конфликта, вооружённый конфликт завершился сокрушительным поражением российского союзника — Армении. В то же время развёртывание российской миротворческой миссии в Карабахе срывало статусные притязания Турции на равную с Россией роль в разрешении конфликта.

Совместный российско-турецкий мониторинговый центр был создан через несколько дней после достижения соглашения о прекращении огня, но он располагался на территории Азербайджана вне зоны конфликта, что символически нивелировало роль Турции в дипломатическом урегулировании конфликта. Практически же переговоры в последующие годы проходили либо в трёхстороннем (Азербайджан, Армения, Россия) формате, либо при посредничестве Европейского Союза, крупнейших государств-членов ЕС или Соединённых Штатов. Региональный формат «3+3» (Россия, Турция, Иран, Азербайджан, Армения, Грузия), созданный по инициативе Анкары, не занимался армяно-азербайджанским урегулированием и не отличался интенсивной работой. Турецкая Республика помогла Азербайджану выиграть Вторую карабахскую войну, но не извлекла из этого устойчивых статусных дивидендов.

Примечателен случай российского вертолёт Ми-24, который сопровождал направлявшуюся в Карабах колонну российских миротворцев и был 9 ноября 2020 г. сбит из переносного зенитно-ракетного комплекса у границы с Азербайджаном (два члена экипажа погибли, третий был

ранен)¹⁵. Можно провести параллель с инцидентом, связанным с бомбардировщиком Су-24 в ноябре 2015 года. Извинения за атаку на вертолёт принёс Азербайджан¹⁶, но, как и в 2015 году, фоном для нападения на российских военных была обида Турции.

* * *

В чём заключается эвристическая ценность аналитической категории международного статуса для анализа динамики российско-турецких отношений в последнее десятилетие? Объяснения, основанные на материальных факторах экономической выгоды и безопасности, не работают в случаях, когда экономическая составляющая приносится в жертву соображениям иного порядка. Они также не учитывают социально конструируемую природу безопасности. В исследованиях, в основе которых лежит экстраполяция длинных исторических циклов, не затрагиваются механизмы, посредством которых эти тенденции проявляют себя в постоянно меняющейся мировой политике. Категория статуса позволяет заполнить эти пробелы.

Представляется убедительным довод Виктора Таки [2023], что и Россия, и Турция определяют себя через исторический опыт взаимодействия с Западом, строительства своих империй и управления ими. В результате обе державы испытывают необходимость всегда сопоставлять себя со своими великими предками и стараться, по крайней мере, не уронить свой международный престиж. Отсюда их острая чувствительность к соображениям статуса и стремление утвердить его даже в тех случаях, когда приходится жертвовать экономическими интересами или балансировать на грани войны с могущественным соседом.

¹⁴ *Макиенко К.В.* Как Россия проиграла во второй карабахской войне // Ведомости. 10.11.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/11/10/846462-rossiya-proigrala> (дата обращения: 12.07.2023).

¹⁵ Российский Ми-24 сбили в Армении у границы с Азербайджаном // ТАСС. 09.11.2020. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/9953671> (дата обращения: 12.07.2023).

¹⁶ Захарова: Глава МИД Азербайджана вновь принёс извинения за сбитый вертолёт // Российская газета. 10.11.2020. URL: <https://rg.ru/2020/11/10/zaharova-glava-mid-azerbajdzhana-vnov-prines-izviniia-za-sbitij-vertolet.html> (дата обращения: 12.07.2023).

Основы самоидентификации и фундаментальные условия осуществления российской и турецкой внешних политик таковы, что обе страны нуждаются в статусном самоутверждении относительно Запада. Это обстоятельство порождает эффект «статусного симбиоза»: «я признаю твой высокий статус, ты признаёшь мой». Россия и Турция тем самым обеспечивают статусное признание друг друга — достаточно убедительное, по крайней мере, с точки зрения внутренней политики. Этот эффект проявил себя в создании Астанинского формата сирийского урегулирования. Российская Федерация, несмотря на острые разногласия с Турецкой Республикой, помогла Анкаре приобрести статус одного из ключевых участников процесса, поскольку была заинтересована в аналогичном признании с её стороны. Приобретение турецкой стороной российских ЗРК С-400 аналогичным образом было статусным выигрышем для обеих держав. Характерно, что именно в связи с таким симбиозом новыми красками играют материальные факторы двусторонних отношений. Например, проект газового хаба в Турции или строительство атомной электростанции «Аккую» не

только экономически выгодны обеим странам, они также подтверждают их высокий статус — что при необходимости используется лидерами в качестве полезного внутриполитического аргумента.

В то же время даёт себя знать и статусное неравенство между Москвой и Анкарой. Первая — ядерная держава, постоянный член Совета Безопасности ООН. Вторая — держава средней величины, претендующая на статус великой. Любой случай успешного статусного соперничества с Россией обеспечивает Турции важный выигрыш. Она, пусть ситуативно и только в собственных глазах, удовлетворяет свои великодержавные притязания. Как итог, Турецкая Республика бросает Российской Федерации вызов даже в тех случаях, когда для этого нет необходимости с точки зрения безопасности. Москва же весьма чувствительна к такого рода статусным вызовам со стороны Анкары. В отношениях с последней она дорожит не только «статусным симбиозом», но и статусным превосходством. Именно поэтому она стремится его сохранить, несмотря на сопутствующие риски, как, например, в случае с развёртыванием российской миротворческой миссии в Карабахе.

Список литературы

- Бибикова О.П. Интересы Турции в Идлибе // Россия и мусульманский мир. 2020. №. 2 (316). С. 70–80. DOI: 10.31249/rimm/2020.02.06
- Буря на Кавказе / Под ред. Р.Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021. 128 с.
- Кенгерли З. Геостратегические интересы Турции на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2004. №6 (36). С. 111–121.
- Межуев Б.В. Турция, Россия и Европа с позиции «цивилизационного реализма» // Полис. Политические исследования. 2019. №. 6. С. 53–66. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.05>
- Надеин-Раевский В. Политика Турции на Ближнем Востоке // Пути к миру и безопасности. 2020. №. 1 (58). С. 139–156. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-139-156
- Сучков М.А., Румачик И.А. Эволюция отношений Турции и ИГИЛ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. №. 1 (54). С. 55–60.
- Сучков М.А., Ходынская-Голенищева М.С. Сравнительный анализ российских стратегий союзничества на Ближнем Востоке // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. №. 1. С. 69–81. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10006>
- Таки В. Зеркало друг для друга // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 104–118. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-2-104-118
- Хасан А.А., Сейидли С.А. Идлиб в сирийском конфликте (2011–2020) // Вестник Института востоковедения РАН. 2021. №. 1. С. 225–237. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-225-237
- Чеков А.Д. Мировой опыт химического разоружения: уроки для Сирии // Индекс безопасности. 2014. Т. 20. №. 1. С. 95–100.
- Шерстюков С.А., Бодиштяну Н.В. Российско-турецкие отношения после 2015 г.: новые тренды, старые дилеммы // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. №. 11. С. 88–96. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-88-96

- Шлыков П.В. Турецкий кульбит // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 142–159. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-142-159
- Aghaie Joobani H., Mousavipour M. Russia, Turkey, and Iran: Moving Towards Strategic Synergy in the Middle East? // Strategic Analysis. 2015. Vol. 39. No. 2. P. 141–155. <https://doi.org/10.1080/09700161.2014.1000658>
- Aktürk Ş. Relations between Russia and Turkey before, during, and after the failed coup of 2016 // Insight Turkey. 2019. Vol. 21. No. 4. P. 97–114. DOI: 10.25253/99.2019214.06
- Aktürk Ş. Toward a Turkish-Russian Axis? Conflicts in Georgia, Syria, and Ukraine, and Cooperation over Nuclear Energy // Insight Turkey. 2014. Vol. 16. No. 4. P. 13–22.
- Aktürk Ş. Turkey's role in the Arab spring and the Syrian conflict // Turkish policy quarterly. 2017. Vol. 15. No. 4. P. 87–96.
- Aktürk Ş. Turkish–Russian relations after the cold war (1992–2002) // Turkish Studies. 2006. Vol. 7. No. 3. P. 337–364.
- Berlinski C. Smile and smile: Turkey's feel-good foreign policy // World Affairs. 2010. Vol. 173. No. 2. P. 39–46. DOI: 10.3200/WAFS.173.2.39-46
- Cengiz S. Assessing the Astana peace process for Syria: Actors, approaches, and differences // Contemporary Review of the Middle East. 2020. Vol. 7. No. 2. P. 200–214. <https://doi.org/10.1177/2347798920901876>
- Criss N.B., Güner S. Geopolitical Configurations: The Russia-Turkey-Iran Triangle // Security Dialogue. 1999. Vol. 30. No. 3. P. 365–376. <https://doi.org/10.1177/0967010699030003015>
- Dal E.P. Status-seeking policies of middle powers in status clubs: the case of Turkey in the G20 // Contemporary Politics. 2019. Vol. 25. No. 5. P. 586–602. <https://doi.org/10.1080/13569775.2019.1627766>
- Demiryol T. Interdependence, balancing and conflict in Russian–Turkish relations // Great powers and geopolitics: International affairs in a rebalancing world / Ed. by A. Klieman. Cham: Springer, 2015. P. 65–86. DOI: 10.1007/978-3-319-16289-8_4
- Erşen E. Evaluating the fighter jet crisis in Turkish-Russian relations // Insight Turkey. 2017. T. 19. No. 4. C. 85–104. DOI: 10.25253/99.2017194.06
- Güvenç S., Özel S. NATO and Turkey in the post-Cold War world: between abandonment and entrapment // Southeast European and Black Sea Studies. 2012. Vol. 12. No. 4. P. 533–553. DOI: 10.1080/14683857.2012.741845
- Hill F., Taspinar O. Turkey and Russia: axis of the excluded? // Survival. 2006. Vol. 48. No. 1. P. 81–92. <https://doi.org/10.1080/00396330600594256>
- Hintz L. Rethinking Turkey's 'rapprochements': Trouble with Germany and beyond // Survival. 2019. Vol. 61. No. 3. P. 165–186. <https://doi.org/10.1080/00396338.2019.1614787>
- Köstem S. Russian-Turkish cooperation in Syria: geopolitical alignment with limits // Cambridge Review of International Affairs. 2021. Vol. 34. No. 6. P. 795–817. <https://doi.org/10.1080/09557571.2020.1719040>
- Krickovic A., Zhang C. Fears of falling short versus anxieties of decline: Explaining Russia and China's approach to status-seeking // The Chinese Journal of International Politics. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 219–251. <https://doi.org/10.1093/cjip/paaa006>
- Larabee S.F. Turkey's new geopolitics // Survival. 2010. Vol. 52. No. 2. P. 157–180. <https://doi.org/10.1080/00396331003764686>
- Larson D.W., Shevchenko A. Managing rising powers: The role of status concerns // Status in world politics / Ed. by Paul T. V., D. W. Larson, W. C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 33–57. DOI: 10.1017/CBO9781107444409.004
- Larson D.W., Shevchenko A. Quest for status: Chinese and Russian foreign policy. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 2019. 352 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctvbnm3jd>
- MacDonald P.K., Parent J.M. The status of status in world politics // World Politics. 2021. Vol. 73. No. 2. P. 358–391. DOI: 10.1017/S0043887120000301
- Menon R., Enders Wimbush S. The US and Turkey: End of an Alliance? // Survival. 2007. Vol. 49. No. 2. P. 129–144. <https://doi.org/10.1080/00396330701437785>
- Murray M. The struggle for recognition in international relations: status, revisionism, and rising powers. Oxford: Oxford University Press, 2018. 281 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190878900.001.0001>
- Nesmeshnyi A.D., Zhornist V.M., Safranchuk I.A. International Hierarchy and Functional Differentiation of States: Results of an Expert Survey // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2022. Vol. 15. No. 3. P. 7–38. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-olif2>
- Neumann I.B. Status is cultural: Durkheimian Poles and Weberian Russians seek great-power status. // Status in world politics / Ed. by Paul T. V., D. W. Larson, W. C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 85–112. DOI: 10.1017/CBO9781107444409.006

- Öniş Z., Yılmaz Ş. Turkey and Russia in a shifting global order: cooperation, conflict and asymmetric interdependence in a turbulent region // *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37. No. 1. P. 71–95. <https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1086638>
- Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. *Status and World Order* // *Status in world* / Ed. by Paul T.V., D.W. Larson, W.C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 3–32. DOI:10.1017/CBO9781107444409.002
- Tajfel H. Social categorization, social identity and social comparison // *Differentiation between social group* / Ed. by H. Tajfel. L.: Academic Press, 1978. P. 61–76.
- Warhola J.W., Mitchell W.A. The Warming of Turkish-Russian Relations: Motives and Implications // *Demokratizatsiya*. 2006. Vol. 14. No. 1. P. 127–143.
- White D., Herzog M. Examining state capacity in the context of electoral authoritarianism, regime formation and consolidation in Russia and Turkey // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2016. Vol. 16. No. 4. P. 551–569. <https://doi.org/10.1080/14683857.2016.1242891>
- Wolf R. Respect and disrespect in international politics: the significance of status recognition // *International Theory*. 2011. Vol. 3. No. 1. P. 105–142. DOI:10.1017/S1752971910000308
- Yorulmazlar E., Turhan E. Turkish foreign policy towards the Arab Spring: Between Western orientation and regional disorder // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2015. Vol. 17. No. 3. P. 337–352. <https://doi.org/10.1080/19448953.2015.1063805>

SYMBIOSIS AND RIVALRY

THE RUSSIAN-TURKISH RELATIONS

FROM THE PERSPECTIVE OF THE

INTERNATIONAL STATUS THEORY

NIKOLAI SILAEV

IVAN SAFRANCHUK

MGIMO-University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The relations between Russia and Turkey paradoxically combine close cooperation with enmity as well as consistency with unpredictability. How can such ambiguous and controversial nature of Russo-Turkish relations be explained? The existing arguments predicated upon the material factors of security and economic benefits are not able to grasp the essence as to why the two countries forgo benefits for other considerations. Furthermore, these works do not allow for the socially constructed nature of “security”. Putting the current state of relations between Moscow and Ankara in the long historical trends context fails to expose the mechanisms which make these trends function. The paper seeks to shed light on the dynamics of Russo-Turkish relations from the perspective of international status theory. We understand status as the set of collective beliefs about the place a given state possesses among the other states. We apply the status approach to analyze how Russia and Turkey dealt with the conflicts in Syria and in Nagorno-Karabakh. On the one hand, Moscow and Ankara give each other mutual status recognition. In fact they constitute for each other the reference group which satisfies their status aspirations. Therefore it is dramatically important for both states to sustain cooperation. Otherwise the confrontation breaks the mechanism of mutual status recognition. On the other hand there is status disparity between Russia and Turkey. Russia is a nuclear power and the permanent member of UN Security Council. Turkey is a middle range power, claiming great power status. The disparity leads to status competition between Moscow and Ankara and informs rivalry between them.

Keywords:

Russia; Turkey; foreign policy; international status; Karabakh.

References

- Aghaie Joobani H., Mousavipour M. (2015). Russia, Turkey, and Iran: Moving Towards Strategic Synergy in the Middle East? *Strategic Analysis*. Vol. 39. No. 2. P. 141–155. <https://doi.org/10.1080/09700161.2014.1000658>
- Aktürk Ş. (2019). Relations between Russia and Turkey before, during, and after the failed coup of 2016. *Insight Turkey*. Vol. 21. No. 4. P. 97–114. DOI: 10.25253/99.2019214.06
- Aktürk Ş. (2014). Toward a Turkish-Russian Axis? Conflicts in Georgia, Syria, and Ukraine, and Cooperation over Nuclear Energy. *Insight Turkey*. Vol. 16. No. 4. P. 13–22.
- Aktürk Ş. (2017). Turkey's role in the Arab spring and the Syrian conflict. *Turkish policy quarterly*. Vol. 15. No. 4. P. 87–96.
- Aktürk Ş. (2006). Turkish–Russian relations after the cold war (1992–2002). *Turkish Studies*. Vol. 7. No. 3. P. 337–364.
- Berlinski C. (2010). Smile and smile: Turkey's feel-good foreign policy. *World Affairs*. Vol. 173. No. 2. P. 39–46. DOI: 10.3200/WAFS.173.2.39-46
- Bibikova O. P. (2020). Interesy Turtsii v Idlibe [Turkish interests in Idlib]. *Rossiya i musul'manskij mir*. No. 2 (316). P. 70–80. DOI: 10.31249/rimm/2020.02.06
- Cengiz S. (2020). Assessing the Astana peace process for Syria: Actors, approaches, and differences. *Contemporary Review of the Middle East*. Vol. 7. No. 2. P. 200–214. <https://doi.org/10.1177/2347798920901876>
- Chekov A.D. (2014). Mirovoy opyt khimicheskogo razoruzheniya: uroki dlya Sirii [Global Record of Chemical Disarmament: Lessons for Syria]. *Indeks bezopasnosti*. Vol. 20. No. 1. P. 95–100.
- Criss N.B., Güner S. (1999). Geopolitical Configurations: The Russia-Turkey-Iran Triangle. *Security Dialogue*. Vol. 30. No. 3. P. 365–376. <https://doi.org/10.1177/0967010699030003015>
- Dal E.P. (2019). Status-seeking policies of middle powers in status clubs: the case of Turkey in the G20. *Contemporary Politics*. Vol. 25. No. 5. P. 586–602. <https://doi.org/10.1080/13569775.2019.1627766>
- Demiryol T. (2015). Interdependence, balancing and conflict in Russian–Turkish relations. In: Klieman A. (ed.) *Great powers and geopolitics: International affairs in a rebalancing world*. Cham: Springer, 2015. P. 65–86. DOI: 10.1007/978-3-319-16289-8_4
- Erşen E. (2017). Evaluating the fighter jet crisis in Turkish-Russian relations. *Insight Turkey*. Vol. 19. No. 4. P. 85–104. DOI: 10.25253/99.2017194.06
- Güvenç S., Özel S. (2012). NATO and Turkey in the post-Cold War world: between abandonment and entrapment. *Southeast European and Black Sea Studies*. Vol. 12. No. 4. P. 533–553. DOI: 10.1080/14683857.2012.741845
- Hill F., Taspinar O. (2006). Turkey and Russia: axis of the excluded? *Survival*. Vol. 48. No. 1. P. 81–92. <https://doi.org/10.1080/00396330600594256>
- Hintz L. (2019). Rethinking Turkey's 'rapprochements': Trouble with Germany and beyond. *Survival*. Vol. 61. No. 3. P. 165–186. <https://doi.org/10.1080/00396338.2019.1614787>
- Kengerli Z. (2004). Geostrategicheskie interesy Turtsii na Kavkaze [Geostrategic interests of Turkey in the Caucasus]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. No. 6 (36). P. 111–121.
- Khasan A.A., Seyidli S.A. (2021). Idlib v siriyском konflikte (2011–2020) [Idlib in the Syrian conflict]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. No. 1. P. 225–237. DOI: 10.31696/2618-7302-2021-1-225-237
- Köstem S. (2021). Russian-Turkish cooperation in Syria: geopolitical alignment with limits. *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 34. No. 6. P. 795–817. <https://doi.org/10.1080/09557571.2020.1719040>
- Krickovic A., Zhang C. (2020). Fears of falling short versus anxieties of decline: Explaining Russia and China's approach to status-seeking. *The Chinese Journal of International Politics*. Vol. 13. No. 2. P. 219–251. <https://doi.org/10.1093/cjip/poaa006>
- Larrabee S.F. (2010). Turkey's new geopolitics. *Survival*. Vol. 52. No. 2. P. 157–180. <https://doi.org/10.1080/00396331003764686>
- Larson D.W., Shevchenko A. (2014). Managing rising powers: The role of status concerns. In: // Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. (eds) *Status in world politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 33–57. DOI: 10.1017/CBO9781107444409.004
- Larson D.W., Shevchenko A. (2019). *Quest for status: Chinese and Russian foreign policy*. New Haven, Connecticut: Yale University Press. 352 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctvbnm3jd>
- MacDonald P.K., Parent J.M. (2021). The status of status in world politics. *World Politics*. Vol. 73. No. 2. P. 358–391. doi:10.1017/S0043887120000301
- Menon R., Enders Wimbush S. (2007). The US and Turkey: End of an Alliance? *Survival*. Vol. 49. No. 2. P. 129–144. <https://doi.org/10.1080/00396330701437785>

- Mezhuyev B.V. (2019). Turkey, Russia and Europe from the Perspective of "Civilizational Realism". *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 53–66. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.05>
- Murray M. (2018). *The struggle for recognition in international relations: status, revisionism, and rising powers*. Oxford: Oxford University Press. 281 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190878900.001.0001>
- Nadein-Raevskiy V. (2020). Politika Turtsii na Blizhnem Vostoke [Policy of Turkey in the Middle East]. *Puti k miru i bezopasnosti*. No. 1 (58). P. 139–156. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-139-156
- Nesmeshnyi A.D., Zhornist V.M., Safranchuk I.A. (2022). International Hierarchy and Functional Differentiation of States: Results of an Expert Survey. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. Vol. 15. No. 3. P. 7–38. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-olf2>
- Neumann I. B. (2014). Status is cultural: Durkheimian Poles and Weberian Russians seek great-power status. In: Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. (eds) *Status in world politics*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 85–112. DOI: 10.1017/CB09781107444409.006
- Öniş Z., Yılmaz Ş. (2016). Turkey and Russia in a shifting global order: cooperation, conflict and asymmetric interdependence in a turbulent region. *Third World Quarterly*. Vol. 37. No. 1. P. 71–95. <https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1086638>
- Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W. C. (2014). Status and World Order. In: Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. (eds) *Status in world politics*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 3–32. DOI: 10.1017/CB09781107444409.002
- Pukhov R.N. (2021). *Burya na Kavkaze* [Storm over the Caucasus]. Moscow: Tsentr analiza strategiy i tekhnologiy. 128 p.
- Sherstyukov S.A., Bodishtyanu N.V. (2021). Rossiysko-turetskie otnosheniya posle 2015 g.: novye trendy, starые dilemmy [Russian-Turkish relations after 2015: new trends and old dilemmas]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 65. No. 11. P. 88–96. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-88-96
- Shlykov P.V. (2023). Turetskiy kul'bit [Turkish flip-flop]. *Rossiia v global'noy politike*. Vol. 21. No 3. P. 142–159. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-142-159
- Suchkov M.A., Khodynskaya-Golenishcheva M.S. (2021). Sravnitel'nyy analiz rossiyskikh strategiy soyuznichestva na Blizhnem Vostoke. *Sravnitel'naya politika*. Vol. 12. No. 1. P. 69–81. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10006>
- Suchkov M.A., Rumachik I.A. (2018). Evolyutsiya otnosheniy Turtsii i IGIL [Evolution of relations between Turkey and ISIS]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*. No. 1 (54). P. 55–60.
- Tajfel H. (1978). Social categorization, social identity and social comparison. In: Tajfel H. (ed.) *Differentiation between social group*. London: Academic press. P. 61–76.
- Taki V. Zerkalo drug dlya druga // Rossiia v global'noy politike. 2023. T. 21. № 2. S. 104–118. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-2-104-118
- Warhola J.W., Mitchell W.A. (2006). The Warming of Turkish-Russian Relations: Motives and Implications. *Demokratizatsiya*. Vol. 14. No. 1. P. 127–143.
- White D., Herzog M. (2016). Examining state capacity in the context of electoral authoritarianism, regime formation and consolidation in Russia and Turkey. *Southeast European and Black Sea Studies*. Vol. 16. No. 4. P. 551–569. <https://doi.org/10.1080/14683857.2016.1242891>
- Wolf R. (2011). Respect and disrespect in international politics: the significance of status recognition. *International Theory*. Vol. 3. No. 1. P. 105–142. DOI: 10.1017/S1752971910000308
- Yorulmazlar E., Turhan E. (2015). Turkish foreign policy towards the Arab Spring: Between Western orientation and regional disorder. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. Vol. 17. No. 3. P. 337–352. <https://doi.org/10.1080/19448953.2015.1063805>